

Иван Айвазовский в Центральном военно-морском музее

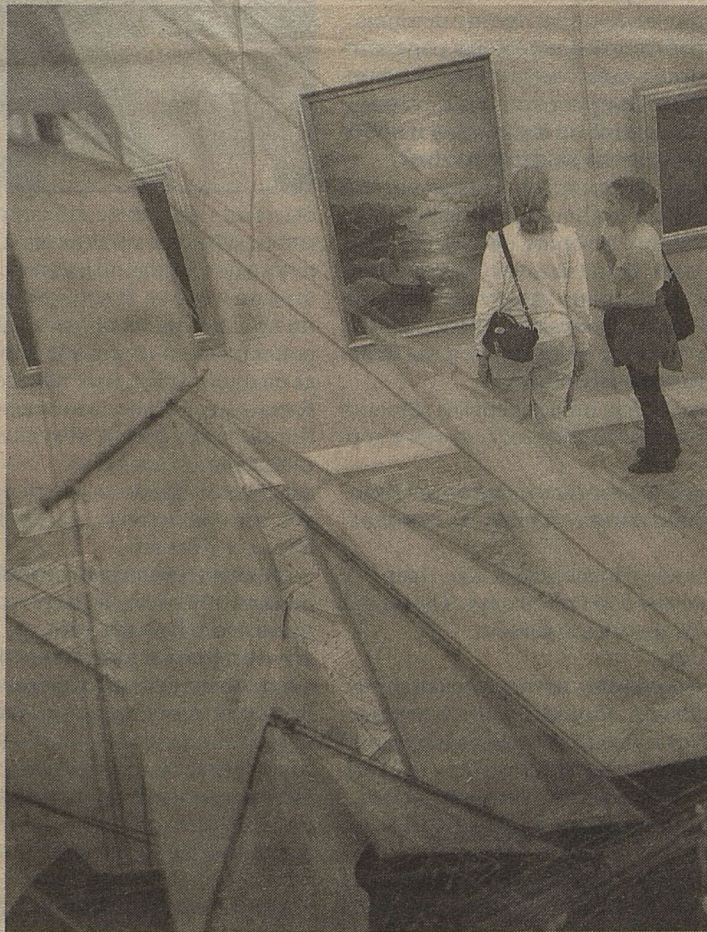
ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

В Центральном военно-морском музее (ЦВММ) в Петербурге открылась выставка произведений Ивана Айвазовского. Любимец публики и абсолютный чемпион русских торгов Sotheby's и Christie's представлен в постоянной экспозиции музея всего одним полотном, но на выставку собрали все, что есть в фондах: двадцать четыре картины и один рисунок. Морские битвы и кораблекрушения разглядывала АННА ТОЛСТОВА.

Редкий искусствовед любит всенародного мариниста. Со времен «Мира искусства» это как-то не принято. Еще Александр Бенуа, обругав запоздалого романтика за «рыночность» и «продажный вздор», предлагал для спасения его репутации устроить «гигантское аутодафе» откровенно халтурным картинам. Впрочем, первым хулителем этого коммерческого искусства был, кажется, Достоевский, язвительно сравнивавший Айвазовского с Дюма-отцом за страсть к дешевым эффектам и чрезмерную быстроту и легкость письма. Невероятная плодовитость живописца повергает в отчаяние экспертов: им написано около шести тысяч картин, но злые языки утверждают, будто на антикварном рынке вращается вдвое больше приписываемых ему произведений.

В ЦВММ признают, что моряк Алексей Боголюбов был точнее в деталях корабельных снастей. Однако Ивана Айвазовского все равно любят — и как художника Главного морского штаба, и как главного русского мариниста с географическим охватом от «Ледяных гор в Антарктиде» до «Ниагарского водопада». Экспозицию сделали с флотской аккуратностью, предъявив все, что относится к делу. Кроме живописи — архивные документы, скульптурные портреты и фотографии Айвазовского, даже модели тех судов, что бороздят прозрачные воды его бесчисленных марин. Так что миниа-турный 120-пушечный корабль «Двенадцать апостолов» можно сравнить с оригиналом на хрестоматийном полотне «Смотр Черноморского флота», где парусная флотилия выстроилась во фронт перед фрегатом «Владимир» с императором на борту.

К Главному морскому штабу Айвазовский «был причислен» высочайшим повелением в 1844 году. Будущее казалось утланым розами. Армянский вундеркинд из Феодосии, рисовавший по бедности самоварным углем на заборах, делал блестящую карьеру. Закончив академию с золотой медалью и будучи отправлен в пенсионерскую поездку за границу, вернулся с триумфом: в Риме вчерашнего студента восторженно хвалил Гоголь (как же, шутит: немудрено захлебнуться от вос-



Айвазовского выставили вместе с макетами изображенных им судов. Каждый может убедиться, что рисовал он их неточно ФОТО МИХАИЛА РАЗУВАЕВА

торга, когда художник дает в своих картинах такую чудесную воду), а папа Григорий XVI купил благочестивый пейзаж со всемирным потопом. Впрочем, заграничные успехи мало

кому помогли в бизнесе в Петербурге, и, написав по заказу штаба шесть видов опорных пунктов балтийского флота (три из них хранятся в ЦВММ: виды с моря Ревеля, Кронштадта и Све-

аборга), новоиспеченный академик запросился на родину. В столице забеспокоились было, что в феодосийской глуши юное дарование обленится и сопьется, — дарование настояло на своем и удраило в Крым, вдогонку лишь неслось брошенное Николаем I в крайнем раздражении: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит».

Вопреки ожиданиям Айвазовский не спился, дослужился до чина действительного тайного советника, разбогател и облагодетельствовал родной город: на его счет в Феодосии провели водопровод и железную дорогу, благоустроили порт, не говоря уже об открытых им художественной мастерской и картинной галерее. О том, что эта долгая жизнь удалась, просто кричат на выставке ликующие радужные краски «Кораблей на феодосийском рейде» — картины, живописующей чествование художника по случаю его 80-летия, когда в знак признательности из Севастополя был прислан целый отряд броненосцев и крейсеров. Упорный труд приносил не только капитал, но и мастерство, что особенно заметно, если сравнить ранний «Кронштадтский рейд» с прозрачными гребешками волн, в которые неловко вставлены парусники и шлюпки, с поздним «Севастопольским рейдом», где эскадра черноморского флота словно растворяется в акварельно-безмятежной атмосфере.

На выставке Айвазовский на любой вкус. Имеются многотражные красоты — лунные ночи и кораблекрушения. Есть и редкости вроде раннего портрета вице-адмирала Лазарева или нравоучительно-мистической «Гибели корабля „Лефорт“», где в небеса к Иисусу возносятся вереница детей, матросских жен и моряков-праведников, а грешники навсегда остаются на дне морском. Но, разумеется, больше всего морских баталий из истории русско-турецких войн, среди которых выделяются парадные изображения Синопского боя, одобренные за репортерскую точность самим адмиралом Нахимовым.

В этих сюжетах сквозь дежурные фейерверки взрывов набившего руку штабного художника пробивается и нечто личное. В Феодосии еще свежа была память об османском владычестве, и армянская диаспора уж точно не тосковала по прежним хозяевам Крыма. Ованес Айвазян живо откликнулся на все современные ему «ужасы турецкого варварства», перечисляя сборы от выставок пострадавшим в критском восстании 1867-го и в армянских погромах 1890-х. И, наверное, с особым чувством топил турецкие суда в очередном живописном блокаде про победы российского флота. Когда 82-летний маринист умер, на мольберте в мастерской остался незаконченный «Взрыв турецкого корабля».

55